

СУ Ж И К О В, КОТОРЫЙ ДУМАЛ О ДЕЛЕ

Как-то на курсах повышения квалификации при Академии общественных наук по переподготовке председателей комитетов по делам издательств и полиграфии союзных и автономных республик, краевых и областных управлений отрасли, директоров и главных редакторов ведущих издательств страны по окончании лекций был запланирован обмен мнениями. После руководителя Украинского Госкомиздата с докладом должен был выступить наш председатель Елеуменов Шериаздан Рустемович. Но слушатели начали подниматься с мест, не дожидаясь его слова. Возможно к усталости добавилось сомнение в том, что от казахского коллеги они ничего нового не услышат. Тогда Елеуменов громко объявил:

–Я буду выступать, а вы будете слушать. Я расскажу вам о нашем городке печати. Городок печати! Это что-то новое. И те, кто были уже у двери, вернулись на место. Выступление закончилось. А люди не отпускают Елеуменова, завалив расспросами о подробностях реализации этого проекта.

К началу 1970-х годов городок печати был первым и единственным на весь Союз. Суть заключалась в том, что прежде разбросанные по Алматы и плохо оснащенные издательства были собраны теперь в единый производственный комплекс с

необходимыми инфраструктурными помещениями и службами. Рядом расположилась новая книгопечатная фабрика, оснащенная австрийским оборудованием по последнему слову техники, за ней – республиканские книжная база и торговое объединение «Казкнига». В городок вошли профтехучилище для полиграфистов и предприятие по ремонту полиграфического оборудования, жилые здания для работников системы и детский сад, где воспитывались их дети. В наше время подобные ансамбли называют технопарками с полным циклом производства.

Городок печати был задумкой предшественника Елеукунова – Сужикова Мухамедгали Аленовича. По образованию и опыту прежней работы он еще не сталкивался с подобными узкоспециализированными задачами, а номенклатурная стратегия подсказывала: спокойно отсидеть 4 предпенсионных года, не ввязываясь в крупномасштабное и рисковое предприятие. Его предшественник Зенков, привезенный из Караганды небезызвестным М.С. Соломенцевым, так и поступил, побыв на этом посту некоторое время и уехав в Москву вслед за своим покровителем. Временщик есть временщик, ничего доброго не думающий оставлять после себя. Оказавшийся у истоков создания новой системы, первый председатель Госкомиздата республики, Зенков, не вник в структурную политику отрасли, и в наследство от него досталось усеченное даже по сравнению с автономными республиками производство.

Иной оборот начался с приходом Сужикова. Бывший начальник отдела капитального строительства Госплана республики Нурым Сансызбаев вспомнил однажды в разговоре о Сужикове, как в Госплане СССР с восхищением удивлялись дотошности и въедливости нового руководителя казахстанского Госкомиздата: «Он во все вникает и требует даже большего от центра, аргументировано доказывая перспективность книгоиздательского дела в Казахстане как политической задачи». За короткий срок было обеспечено финансирование, достигнуты договоренности с зарубежными специалистами по доставке и наладке оборудования, открыта программа по подготовке кадров, развернуто строительство не только книгоиздательского технопарка, но и сети издательских предприятий по всему Казахстану. Казахские авторы, наконец, заслуженно обрели право видеть свои произведения в достойном полиграфическом исполнении.

Всего четыре года пробыл этот человек на посту руководителя Госкомиздата. По сравнению с ним Елеукунов был чистым журналистом, хотя в ЦК Компартии Казахстана в качестве заведующего сектором и заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации он курировал и издательский сектор, однако в зоне его ответственности находились в основном вопросы идеологии. Как всякого совестливого человека, берущегося за новое большое дело, его смущало, справиться ли он с доставшимся наследием. К счастью, вместе с материальными ресурсами уже развернувшейся реконструкции, Сужиков оставил работающие, знающие свое дело кадры, с которыми можно было смело продолжать то, чего ему не дали завершить. Конечно, идеально было бы предоставить Сужикову возможность довести проект до конца, не отправляя на пенсию лишь только потому, что ему исполнилось 60 лет, как

будто это и есть цель человеческой жизни. Однако причину отставки тут следует искать в самой системе власти, не терпящей самостоятельно мыслящих лидеров.

Сужиков был из тех людей-энтузиастов, о которых говорят, что покой им только снится. Он оперативно вникал в порученное дело, здраво различая пределы возможного от завиральных идей, а приняв решение, шел до конца, вопреки карьерным интересам. Будучи государственным, Сужиков ставил положение людей, оказавшихся в орбите его компетенции, выше соображений своего благополучия. Внутренняя чистоплотность и примат справедливости стояла выше опасности заработать на свою голову злключения. И такие испытания выпадали не раз в жизни.

Трудовая деятельность Мухамедгали Сужикова началась с учительства в казахских школах для детей волжских рыбаков. Потом он стал директором рабфака, который готовил учащихся для поступления в институт. Неожиданно для себя в 1938 году, в возрасте 28 лет, его выдвинули председателем Володарского райисполкома Сталинградской области. В войну, когда Сталинградская и Астраханская области стали прифронтовой полосой, Сужиков был отоброилизован на строительство оборонительных сооружений и формирование ополченческих истребительных батальонов. К окончанию войны он занял должность зам. секретаря Астраханского обкома ВКП (б).

Для перехода к послевоенному мирному строительству была крайняя нужда в высокообразованных руководящих кадрах. Особенно остро дефицит ощущали республиканские и автономные образования. Сужиков после окончания Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) был направлен на историческую родину секретарем Актюбинского обкома партии по кадрам. Как позже стало известно, персональный запрос на него сделал первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Жумабай Шаяхметов. Пришлось оставить намерение поступать в Академию общественных наук, куда Сужиков уже подал заявление, чтобы заняться научной деятельностью.

При первой же поездке в дальний Карабутацкий район Актобе Сужиков был обескуражен гнетущей картиной жизни послевоенного аула. Не выполнив план хлебазаготовок, колхозники ничего не получили на трудодни, скот резать не разрешали, и поэтому люди просто голодали. По возвращении из командировки новый секретарь инициирует созыв бюро обкома и требует от него обратиться в Москву с просьбой о чрезвычайной помощи. «Первый» не поддержал инициативу, поскольку обращение в Москву через голову республиканского руководства требовало большого мужества. Но для Сужикова был важен скорый результат, а не то, как на него кто-то посмотрит. Население получило помощь, профинансированную Москвой. Что касается нарушения иерархии власти между центром и республиканским руководством, то Шаяхметов лично одобрял и поддерживал принципиальность и нетерпимость к недостаткам, в том числе и к собственным. На деле, а не на словах, как наблюдаем мы сегодня.

Поэтому, когда возникла необходимость в новом секретаре ЦК Компартии Казахстана, курирующим идеологию, то в подборе кандидатуры трудностей ни у

Москвы, ни у Алматы не возникло. Уже будучи в то время 1-ым секретарем Актюбинского обкома партии, Мухамедгали Сужиков в конце ноября 1951 года занял эту должность. Однако новый высокий пост принес и крутые повороты в судьбе.

ОБВИНЕНИЕ, В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТ

Как вспоминал Мухамедгали Аленович, перед переходом на работу в ЦК Компартии Казахстана, знакомясь с положением дел в республике, от ответственных сотрудников ЦК КПСС он слышал неприятные разговоры о распространении в писательской и научной среде доносов друг на друга. Основная задача состояла в том, чтобы положить конец этому поветрию наветов и опорочивания. Однако клеветы, по старой интеллигентской традиции, не избежал и он сам: о нем поползли разговоры, как о гонителе казахской интеллектуальной элиты, включая его близких товарищей, как Каныша Сатпаева и Ахмета Жубанова. Но для истории тут важна хронологическая последовательность не только по годам, но месяцам. Известно, что репрессии против казахской интеллигенции начались до его избрания секретарем ЦК Компартии по идеологии в конце ноября 1951 года.

Давно идущие разборки, кто в республике реакционный националист, нашли воплощение в статье «Правды» за 26 декабря 1950 года, т.е. почти за год до появления Сужикова во главе идеологической службы. Обсуждение этой статьи показало, что многие историки испытывают неприязнь к своему более удачливому сотоварищу Бекмаханову, поддерживаемому предшественником Сужикова Ильсом Омаровым. О ходе обсуждения статьи собкор газеты доложил своему главному редактору Ильичеву, впоследствии ставшему секретарем ЦК КПСС по идеологии, а тот секретарю ЦК КПСС Суслову. Из 30 выступивших на обсуждении статьи в институте истории 11 назвали движение Кенесары Касымова, описанное Бекмахановым, национально-освободительным, реакционным феодально-монархическим. Требовали обсудить партийность Бекмаханова, лишить его ученых званий, довести до Бюро ЦК КПК об антипартийном поведении Ильяса Омарова, поддерживающего Бекмаханова.

В октябре 1951 года пленум ЦК Компартии Казахстана по указке Москвы обсудил вопрос «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в партийных организациях республики». В отчете с пленума «Правда» писала: «Ж. Шаяхметов признал, что он лично допустил ошибку, наряду с действительными героями казахского народа назвав имена реакционеров Кенесары, Аблая, Наурызбая». Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПК Храмов заявил, что «он и работники отдела боялись поколебать сложившееся мнение у т.т. Шаяхметова и Омарова о характере движения Кенесары».

Таким образом, еще задолго до принятия Сужиковым попечительства над идеологической службой, основные носители «реакционной националистической идеологии, непонимающие прогрессивной роли присоединения Казахстана к России», уже были повержены с подачи своих же коллег по перу. Открылся широкий простор для поисков и изобличения противников «прогрессивной роли» присоединения Казахстана к России. Она стала ведущей темой для критических

газетных выступлений на злобу дня, а отсутствие материалов по жанру разоблачительства могло быть расценено Кремлем не иначе, как попустительство.

Прогрессивную роль России надо было замечать во всем. Моего знакомого – доктора сельскохозяйственных наук Сулейменова, в те времена раскритиковала «Казахстанская правда» за то лишь высказывание, что казахи южных районов еще до появления здесь русских испокон сеяли пшеницу. Таковой была информационная политика, где сенсационность проявлялась через разоблачительство.

ТУДА, ГДЕ ТРУДНЕЕ ВСЕГО

Сложная обстановка сложилась в Кызыл-ординской области. Сменивший Жумабая Шаяхметова на посту первого секретаря ЦК КП Пантелеймон Пономаренко вернулся из поездки по Кызыл-ординской области с горестным настроением. Первые руководители области, занятые выяснением отношений между собой, запустили дела. На место первого секретаря обкома партии необходимо было подобрать кого-то с авторитетом руководителя республиканского уровня, чуждого клановым интересам. Выбор пал на Мухамедгали Сужикова. Это было в июне 1954 года.

Как говорил Козьма Прутков, Сужиков «зрел в корень», определяя главные цели в качестве, как бы сейчас сказали, кризисного управляющего. Решение задач он осуществлял основательно и цепко. Для поднятия экономики область имела свои потенциальные возможности, которые он свел к решению в трех главных направлениях. В животноводстве ведущей отраслью являлось каракулеводство. Но из-за низкой закупочной цены на каракулевы смушки оно не приносило желаемого дохода. Через Госплан СССР удалось изменить ценовую политику. И каракулеводство стало более привлекательным занятием. В земледелии ведущей отраслью являлось рисоводство. Для его подъема надо было менять устаревшую технологию по примеру Китая и Ставропольского края. Третья задача состояла в интенсификации рыболовецких промыслов. По типу Прикаспийских на Аральском море и Сырдарье были созданы артели, не только занимавшиеся уловом, но и поставлявшие продукцию непосредственно потребителю. Здесь пригодился Сужикову опыт жизни на Астраханьшине до переезда в Казахстан.

Картину социального бедствия дополняли сезонные разливы Сырдарьи, смывшими вместе с хозяйственными объектами и единственный в СССР лепрозорий. Бегство прокаженных наводило ужас на неискушенное местное население. Мучили людей и малярийные зоны. За короткий срок в безопасном месте был выстроен новый лепрозорий, а живших на островах Аральского моря казахов, переселили в специально отстроенные для них дома на побережье. Впервые в Казахстане было проведено массовое медицинское обследование всего населения области. Местной молодежи из-за незнания русского языка трудно было поступить в вузы Алматы. Сужиков добился в 1957 году зачисления на внеконкурсной основе первых 200 юношей и девушек. В целом было положено творческое начало по выводу области из разряда депрессивны.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ, НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ

В январе 1958 года Сужиков был избран первым секретарем Семипалатинского обкома партии. По сравнению с Кызыл-ординской область была более развита во всех отношениях. Но была у ней самая страшная боль на весь Казахстан – Семипалатинский полигон.

Население было в полном неведении о ядерных испытаниях, кроме слухов о каких-то загадочных явлениях и неизвестных болезнях. Даже от первого секретаря обкома партии скрывалась информация.

В качестве руководителя области и депутата Верховного совета СССР на одной из очередных сессий Сужиков встретился с министром обороны СССР Р.Я. Малиновским. Рассказал ему, что успел узнать сам о бедствиях населения от полигона, ознакомил с результатами экспедиции академика Балмуханова, изучавшей влияние радиации на организм человека. Спустя время было получено разрешение посетить полигон. Беседы с учеными, офицерами, посещение технологических ангаров, вид процветающего города ядерщиков, являвшим полную противоположность остальным населенным пунктам области, явилось полной неожиданностью. Вернулся с еще большей обидой за своих граждан из-за увиденного и услышанного, хотя хозяева проявляли явную осторожность

Собрал бюро обкома партии, решил от имени его обратиться с письмом к Хрущеву. Даже второй секретарь обкома партии и председатель облисполкома заявили, что нельзя прикасаться к государственной тайне, пусть наверху сами разбираются. Заведующий секретным сектором после тщательной проверки не обнаружил, чтобы кто-нибудь когда-либо обращался с вопросом, имеющим хотя бы касательное отношение к полигону. Сужиков объявил, что если члены бюро не поддержат, то он от своего имени обратиться к Хрущеву. Хотя и колеблющееся, но большинство голосов собрал. Шифровка на имя Хрущева пошла и, конечно, вызвала сильное раздражение как в Москве, так и в Алматы. Другого отношения сам Сужиков и не ждал. Но его природная прямота, неумение смолчать, когда дело касается ущемления интересов множества людей, не допускали мысли позаботиться о собственной безопасности.

Спустя год, после этого демарша состоялся Пленум ЦК Компартии Казахстана, обсудивший события в Темиртау. Сужиков выступил с резкой критикой в адрес руководства республики. Он говорил, что без создания социальных условий на строительство Казахстанской Магнитки нагнали многие тысячи людей, в том числе и условно-досрочно освобожденных из заключения. Они и выступили против ненормальных условий бытоустройства, начали захватывать магазины, склады. Первым секретарем обкома партии крупной Карагандинской области оказался случайный заурядный функционер Исаев, неизвестно кем выдвинутый на эту должность, который во время бунта ушел в подполье... Тогда уже взялись за Сужикова основательно. Начали искать компроматы на его прежних местах работы. Не нашли. Попытались приписать проявление национализма, что всегда бьет

неотразимо и сильно. Но в своем выступлении он говорил в защиту мигрантов, состоящих преимущественно из русских и украинцев.

Тогда «Правда» в статье «Слово расходится с делом» от августа месяца подвергает Семипалатинскую область жесткой критике за положение дел в сельском хозяйстве. Пленум обкома партии освобождает Сужикова от обязанности первого секретаря обкома партии с формулировкой: «За срыв мероприятий по зернодобывающим отраслям за 1960 год». Но в октябре того же года та же «Правда» в передовой статье отметила перевыполнение семипалатинцами плана по заготовке зерна. Но поезд уже ушел. Сужиков уже работал заместителем председателя Госконтроля Совмина республики. С ликвидацией этого органа стал председателем Республиканского профсоюза работников культуры. Затем два года работал секретарем по идеологии Костанайского обкома партии. Рутинная бумажная работа.

И вот в 1967 году его назначают председателем Госкомиздата республики. В ранге министра он получает возможность еще раз проявить себя на самостоятельной должности, но до обидного на короткий срок. Сужиков собственной судьбой доказал на что способен человек, думающий, прежде всего о людях и деле, болеющий за них. Сейчас дефицит на такие высокопоставленные кадры. Сейчас все больше таких, кто озабочен сохранить себя на достигнутой высоте за счет показной лояльности.

Мадат АККОЗИН